

Утренний воздух в деревне был на редкость свеж. Сюй Яньцин лег спать рано накануне вечером, и, проснувшись на следующее утро, всё ещё видел, как из труб соседних домов поднимался дым.

Во дворе Сюй Сянчжи отрабатывал приёмы боевых искусств. Му Юй и Ци Чэнь хлопотали на кухне. Оглядевшись, Сюй Яньцин понял, что он проснулся последним.

Он не спеша направился на кухню, где повар готовил еду. Му Юй и Ци Чэнь помогали ему. Один с детства прислуживал своему юному господину, другой рос избалованным и ни разу в жизни не готовил самостоятельно. Так что оба с любопытством разглядывали глиняную печь.

— Молодой господин проснулся, — сказал Му Юй, увидев Сюй Яньцина в дверях, и тут же подвинул ему табурет. Затем он вытащил из-под печки тёмный, неказистый с виду клубень, отстучал об стену осыпавшуюся золу и подал его в миске Сюй Яньцину. — Это сладкий батат, который тётушка Ли запекала под печью во время готовки. Сейчас он как раз готов.

В прошлой жизни Сюй Яньцину тоже доводилось есть печёный батат, но всё это были запечённые в духовке клубни. Впервые он видел настолько простой способ приготовления.

Он взял миску, затем палочками аккуратно снял чуть подгоревшую кожуру, обнажив сладкую, мягкую, с красноватым отливом мякоть. Батат был хорошо прогрет, изнутри сочился золотистый сироп, а в нос бил сладкий, манящий аромат.

От этого запаха у Сюй Яньцина заурчало в животе. Он взял деревянную ложку, которую протянул ему Му Юй, и с аппетитом принялся за еду.

— Что это вы тут тайком едите на кухне? — Сюй Сянчжи вошёл, весь в испарине, и увидел младшего брата, который сидел перед печкой и с усердием уплетал что-то из миски.

Сюй Яньцин взял деревянную палку и поковырялся под печью. Действительно, вытащил оттуда батат с подгорелой коркой. Он взглянул на Сюй Сянчжи, словно говоря глазами: «Бери сам».

— Братец, попробуй. Очень вкусно.

Итак, когда деревенский староста пришёл искать Сюй Сянчжи, он увидел, что в доме полно людей, собравшихся у печки и поедающих печёные бататы. Он не удержался от смеха:

— Ну как? Наши деревенские бататы вкусные, правда ведь?

— Угу! Бататы дяди Юаня мягкие, сладкие и ароматные. Когда брат вернётся в столицу, сможет привезти немного для отца с матерью. Отец уже много лет не бывал здесь из-за своей раны на ноге — наверное, очень соскучился по этому вкусу! — Сюй Яньцин улыбнулся, и глаза его превратились в полумесяцы.

Сюй Юань, крепкий деревенский мужик, обрадовался, увидев такое живое выражение на лице молодого господина.

— Да что там ценного. Как дома закончатся — пошлите кого-нибудь к тётушке, она даст ещё. Ешь сколько влезет, дядя Юань отцу твоему ничего не пожалует!

— Тогда племянник благодарит дядюшку Юаня и тётушку, — Сюй Яньцин особенно симпатизировал Сюю Юаню за его простоту и добродушие. Хотя обычно он не любил лишние разговоры и слишком тесное общение с людьми, даже засаленная скумбрия не смогла бы

устоять перед таким сердечным человеком!

Сюй Юань пришёл за Сюй Сянчжи, чтобы отправиться вместе на поминание предков. Тот быстро доел завтрак и ушёл с ним.

После завтрака Сюй Яньцин растянулся во дворе, нежась на солнце, как полагается сушёной рыбёшке. Ци Чэнь, похоже, считал, что между ним и Сюй Яньцином теперь союз товарищей, поэтому без церемоний притащил с собой стопку книжек с историями.

Сюй Яньцин тут же оживился, бросил загорать и махнул Му Юю, велев принести весь свой тайник.

Они обменялись книгами, сели вместе, читали рассказы и лениво болтали. Сюй Яньцин нашёл истории о талантливых учёных и прекрасных дамах довольно скучными и рассмеялся:

— Правила нужны, чтобы их нарушать! А эти литературные снобы — слишком трусливы.

— И не говори! — Ци Чэнь с отвращением вспомнил, как искал книги в книжной лавке. — Все эти учёные с красавицами — аж тошно становится. Один другого жалобнее: бедные до крайности, а хотят всего и сразу, да ещё за красивые глазки.

Ци Чэнь вовсе не презирал людей из бедных слоёв. Его раздражало, что в большинстве таких историй избалованные барышни влюблялись в нищих учёных, у которых за душой только книжные знания. Те в свою очередь были такими неопытными, что барышни чуть не с ума сходили от любви, рвали с добрыми родителями и пускались с учёными в побег, решительно и «преданно».

Ци Чэнь честно признавался — он этого совершенно не понимал. Совсем.

Сюй Яньцин с жаром закивал:

— Хотя многие столичные барышни и растут в тепличных условиях, в Даляне царит открытая культура, а Император человек проникательный и просвещённый. Их с юных лет обучают, как можно такую провести парой ласковых слов?

— Хех, зато истории про вдов и генералов или охотников с юными господами читать куда интереснее, — с самодовольной улыбкой заметил Ци Чэнь. В конце концов, всё в этих книгах — выдумка. Если уж фантазировать, то по полной!

— А вот история про лекаря и плотника тоже отличная. Лекарь Ци, у тебя вкус что надо! — Сюй Яньцин уже окончательно распробовал жанр и теперь с лёгким пренебрежением посматривал на книжный вкус Му Юя.

Му Юй почувствовал себя несправедливо обвинённым, но промолчал.

Ци Чэнь засмеялся до боли в животе:

— Это не вина Му Юя. Такие книжки — только по особым каналам. Вернёмся в столицу — я покажу Молодому Господину, где их достать.

...

Поздний весенний ветер уже нёс в себе предвестие летнего зноя. Он бесшумно врывается в покои, заставляя занавеси колыхаться туда-сюда.

Вэнь Цзин уверенно вошёл во дворец и поклонился стоящему у стола Инь Яньцзюню:

— Ваше Величество, кареты уже ждут у ворот.

Инь Яньцзюнь едва заметно кивнул:

— Тогда отправляемся.

Обычно выезд императора сопровождался бы пышной процессией, но на этот раз Инь Яньцзюнь направлялся на юг, чтобы ознакомиться с жизнью простого народа, и устраивать шум было бы неуместно.

Инь Юаньчэн ехал рядом с ним. Он сменил роскошные одежды на даосские, как и Вэнь Цзин, и теперь, стоя рядом с Инь Яньцзюнем, походил на юного даосского ученика, сопровождающего своего наставника. Хотя, строго говоря, возрастом он юнцом уже не был.

Поручив все дела в столице Великому Секретарю и князю Хуай, Инь Яньцзюнь отбыл быстро и без лишней помпы.

Проезжая мимо поместья князя Уаня, Инь Юаньчэн мельком взглянул на вывеску и тихо заметил:

— Говорят, что два юных господина из дома Уаня на днях вернулись в родные края для поклонения предкам. А Юаньшуан весь день жалуется на скуку. Интересно, с каких это пор у неё с господином Сюем из дома Уаня такие тёплые отношения?

Будучи старшим братом, он испытывал лёгкое беспокойство. Инь Юаньчэн переживал, что его сестра, совсем недавно чуть не оступившаяся с Су Ханьфэном, теперь рискует с головой угодить в яму по имени Сюй Яньцин. Но сестра у него всегда была упрямая и к его словам никогда не прислушивалась.

Взгляд Инь Яньцзюня вскользь задел ворота поместья маркиза Уаня, и он опустил глаза, в которых на миг промелькнул слабый отблеск. Он проигнорировал тихие жалобы Инь Юаньчэна, лишь слегка дёрнул поводья и позволил своему коню продолжить путь.

...

Сюй Яньцин отдыхал в саду несколько дней, и усталость после поездки в карете наконец полностью прошла. Му Юй за это время неожиданно воспылал интересом к кулинарии — кроме обычного прислуживания молодому господину, он стал тайком бегать на кухню, чтобы учиться готовить у тётушки Ли.

Сюй Сянчжи в последние дни был занят делами, связанными с почитанием предков. К тому времени, как он каждый вечер возвращался, Сюй Яньцин уже спал. Но сегодня он вернулся пораньше — и привёл с собой пухлого малыша.

— Это сын дяди Юаня. Сегодня день официального поминовения предков, тётушка с невесткой пошли готовить на всех, а пригладеть за А-Нином дома было некому, — Сюй Сянчжи вытолкнул прячущегося за его спиной пухлого малыша вперёд. — Иди, скажи: «Маленький дядюшка».

— Маленький дядюшка! — Пухлый ребёнок, лет четырёх-пяти, всё ещё чуть-чуть стеснялся, но его пара ярких, круглых глаз уставилась на Сюй Яньцина с явным интересом.

— Ладно, братец, иди по своим делам, — Сюй Яньцин мельком глянул на малыша, выглядывающего из-за Сюй Сянчжи. — Здесь есть Му Юй, с ребёнком он точно справится.

Сюй Сянчжи и вправду был сейчас очень занят, так что бросил пару слов, подтолкнул мальчика поближе к Сюй Яньцину — и ушёл.

Сюй Яньцин сидел на стуле с развернутым свитком, вроде бы читал, но краем глаза внимательно следил за пухлым ребёнком.

Сначала мальчик держался настороженно, но, видя, что Сюй Яньцин увлечён чтением и не обращает на него внимания, он потопал к нему и вскарабкался на соседний стул.

Тот стул вообще-то принадлежал Ци Чэню, но сегодня тому вдруг вздумалось отправиться в горы собирать травы — вот место и освободилось для пухлого малыша.

В прошлой жизни, из-за материнской строгости, характер у Сюй Яньцина был холодноватым, и к детям он относился ровно: ни особой любви, ни неприязни.

Теперь же, став солёной рыбиной, он был слишком ленив, чтобы во что-то вмешиваться, так что пока ребёнок не плакал и не шумел — пусть себе играет.

Но сейчас этот пухляш явно не хотел играть один. Всё его внимание было приковано к Сюй Яньцину, к его незнакомому маленькому дядюшке.

Чувствуя лёгкое раздражение от пристального взгляда, Сюй Яньцин вдруг повернул голову и резко сказал:

— Чего пялишься, пухляш?

Пухлый малыш недовольно всхлипнул:

— Меня зовут А-Нин, а не пухляш.

— Но ты же пухляш, — Сюй Яньцин отложил книжку и ткнул пальцем в его круглую щёчку.

Мальчик тут же поднял ручку и ткнул в щёку Сюй Яньцина:

— Если А-Нин — маленький пухляш, тогда маленький дядюшка — большой пухляш!

У них с дядюшкой одинаково круглые лица. Бабушка говорила, что это не жир, а благословение, значит, дядюшка тоже очень благословенный человек.

— Ладно! — Сюй Яньцин махнул рукой. — Тогда скажи, чего ты всё на меня пялишься, А-Нин? Осторожней, а то надоешь — возьму да как подброшу.

А-Нин весело захихикал, уставившись на его руку, и с невинной серьёзностью произнёс:

— У маленького дядюшки ручка совсем тоненькая. А-Нина точно не поднимет.

Почему этот ребёнок говорит только правду? Сюй Яньцин почувствовал усталость — и ведь он сразу говорил, что с детьми у него не складывается. Он окликнул Му Юя.

Му Юй, как раз жаривший яичные блинчики на кухне, выскочил на зов:

— Молодой господин, что случилось?

— Забудь пока про готовку, иди поиграй с этим пухл... э-э, с А-Нином, — Сюй Яньцин лениво откинулся на спинку кресла, снова взял в руки свиток и углубился в чтение.

— Это... откуда тут ребёнок взялся?! — Глаза Му Юя округлились от изумления.

<http://bllate.org/book/12638/1120931>